

А. Ф. Журавлев
РУС. ДВУЖИЛЬНЫЙ

Не имеет смысла искать это слово в этимологических словарях: его формальное устройство (сложное прилагательное, производное от *два* и *жила* 'кровеносный сосуд; сухожилие') кажется настолько очевидным, а семантика (метафорически 'очень сильный, выносливый') — настолько легко объяснимой, что не возникает даже подозрения о том, что это слово может представлять собою какую-то этимологическую проблему.

Современное употребление слова *двужильный* обнаруживает истоки в распространенных у восточных славян старых представлениях о существовании так называемых «двужильных» людей и «двужильных» лошадей. Прозрачность строения прилагательного *двужильный* — ср. еще арханг., урал., иркут. *двоежильный*, 'крепкий, очень выносливый, двужильный', псков., смол. *двужильник* 'выносливый, сильный человек, крепыш, здоровяк', жен. *двужильница*, волог. *двоежилок* 'очень сильная (двужильная) лошадь': Дедушко-суседушко (домовой) особенно не любит лошадей двоежилков¹ (Филин 7, 287, 305) — как будто подтверждается его народными объяснениями: «Необыкновенная крепость организма и способность некоторых людей противостоять всевозможным заболеваниям иногда объясняется тем, что эти люди *двужильные*. Это такие люди, у которых кровь идет не по одной жиле, а по двум: оттого у них силы и здоровья в 2 раза больше. . .»²; «*Двужыльна* скотына» очень сильна и здорова; ее можно узнать по бугру на шее» (Харьковская губ., Харьковский у.)³; «. . . «*двужильная* лошадь» (на широкой шее впереди холки две жилы). . .» (Владимирская губ., Вязниковский у., с. Рыло)⁴ и под. Ср. продолжение этой темы в современной повести: «Не видя выхода, он придумал, что он *трехжильный*, что суровая жизнь есть заплата. Одна жила, говорил он, у всех, две кой у кого, а три у тех, на кого вся надежда» (В. Крупин, Живая вода).

Однако может оказаться, что отыскивание подкожных вздутий на шее животного, якобы свидетельствующих о «дублировании» кровеносных органов у могучей твари, — не более чем попытка опредмечивания представлений, в основе которых лежат ложно-этимологические переосмысления.

В поверьях о «двужильных» лошадях и людях намного более важными являются указания на последствия, которые влечет за собою смерть таких существ: «Бывают «двужильные» люди. Живут они очень долго, а по смерти своей увлекают за собою еще двух человек из семьи» (Рязанская губ., Данковский у., с. Савинки)⁵; «Если сохнет «двужильная лошадь». . . , то ее зарывают в подворотне; а если ее не зароят здесь, то после нее издохнет еще двенадцать лошадей» (Вязниковский у.)⁶; «Когда она из-

дохнет, то нужно вытаскивать ее не в ворота, а прямо, — куда она головой лежит. Лежит она к плетню — нужно разламывать плетень; в противном же случае в том самом дворе пропадет еще двенадцать голов скота» (Харьковский у.)⁷; «Двужильную лошадь зарывай на дворе, не то выпадет за нею еще 12 лошадей» (Даль⁴, II, 699) и т. п. В Ярославской губ. закапывание в воротах околешей «двужильной» лошади сопровождается заклятием: «тебе, лошадушка, не вставать, к себе лошадей не призывать»⁸, а в Инсарском у. Пензенской губ., чтобы избежать падежа еще двенадцати лошадей, предписывается переменить место двора⁹.

Восточнославянские поверья о «двужильных» лошадях и людях включаются в обширный круг представлений, связанных с понятием об измеренности и распределенности века (срока жизни), жизненной силы, половой энергии, *вѣда* скота, т. е. его плодовитости и приживчивости в хозяйстве¹⁰, удожности коров, урожайности нивы (*споринь*) и т. д. Все эти качества мыслятся отделимыми от их носителей вмешательством внешних сил: отнимание молока (= удожности) ведьмами, отнимание спорины у поля путем заломов и пережинов, «перекачивание» вода, племени из одного хлева в другой, например, при купле-продаже скота и т. д. Точно так же возможна экспроприация жизненной силы и века, ср. выражения вроде *зажитъся, заедать чужой век*, насмешки над дряхлыми стариками типа *с кладбища убежал седьмой год; на том свете с фонарями ищут, три пуда свеч сожгли*¹¹. Особенно ярко подобные представления выражаются в поверьях о бесплодии и недолговечности близнецов, у которых жизненный потенциал и век, рассчитанные на одного, распределяются между двумя существами: «Двойники редко выживают, и явившийся раньше умирает прежде, даже в том случае, если придут в возраст» (Енисейская губ., Ачинский окр., Ужурская вол.)¹²; «Хотели ноне меседом-то посвататься к N. N., и хорошая бы девка-то, да забоялис: ведь она, говорят, двойнишная, — и робят-то носить не будет»; «Думали по осене-то пустить в племя телушку, да и забоялис: двойнишная у нас телушка-то, не будет и телят-то носить», «К непутявому ноне мы к быку-то водили (т. е. для случки), да и осталас яловкой; бык-то видно двойнишной, ну и не пѣтной» (Ярославская губ.)¹³. Характерно, что в западнобелорусских, западно- и южнославянских ритуалах опахивания селений при повальных болезнях, где особая роль отводится персонажам, исключенным из половой жизни (девочки, старухи), участвуют волю-близнецы, т. е. твари с усматривающейся в них изначальной ослабленностью производительной потенции.

«Двужильные» люди и животные представляют собою разновидность упырей, удлиняющих свой век за счет сокращения века других божьих созданий. Поэтому их смерть вызывает смерть других существ, своего века не изживших; ср. о последовавших друг за другом кончинах молодых людей: «. . . то хтось людѣй пойдѣае, певно той старѣй, що пѣршый умѣр. . .» (Галиция, Скольский у. юг нынешней Львовской обл.)¹⁴. Прощательноно

замечание о «двужилых» людях в одном из цитировавшихся сочинений: «. . . они живут двумя жизнями. . .»¹⁵.

Сказанное позволяет сделать предположение о том, что прилагательное *двужилый* этимологически связано не с *жила* 'кровеносный сосуд', а с глаголом *жить*, т. е. первоначальная его семантика — 'живущий двумя жизнями, за двоих, два срока'. При этом непосредственная производность его может толковаться двояко — либо через л-овое причастие (как *жилой*, *пожилой*) с дальнейшей осложняющей суффиксацией, либо через «промежуточный» субстантиват *жило*, *жила* *'век, срок жизни' (наряду со значениями 'житье, жизнь', 'условия существования', 'участь, доля, судьба' (!) — Филин 9, 173, 181). Как параллели к последней версии ср. образования *дву(х)жилый*, *дву(х)жир(н)ый* 'двухэтажный', *двужир(к)а* 'двухэтажный дом' в северновеликорусских говорах, ивановск. *двужилый*, *двужилбй* 'пригодный для проживания двух человек или двух семей' (Филин 7, 305—306; 12, 87) — от *жила*, *жило*, *жира* 'хозяйство', 'жилое место; постройка; этаж' (Филин, 9, 173, 181).

Правомочность предположения о связи прилагательного *двужилый* первоначально с кругом понятий 'жизнь', 'век' и т. п., т. е. с глаголом *жить*, подтверждается, на наш взгляд, не представленным в сделанной И. П. Петлевой подборке слов со значением 'скупой' в русском языке¹⁶ выражением арханг. *коцей семижилый* 'скупец, скряга' (Филин 15, 159), которое воспринимается как яркая семантическая параллель к *коцей бессмертный*, несмотря на наличие наименований скупца *жила*, *изжиль*. Впрочем, относительно связи двух последних слов с *жила* 'сосуд. сухожилие' теперь также возникают сомнения.

Примечания

- 1 См.: Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского Географического Общества. Вып. I. Пг., 1914, 264.
- 2 Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб., 1903, 14.
- 3 Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским Географическим Обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования. Т. I. СПб., 1872, 50.
- 4 Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. — ЭО, 1914, № 3—4, 124.
- 5 Семенова О. П. Смерть и душа в поверьях и в рассказах крестьян и мещан Рязанского, Рязанбургского и Данковского уездов Рязанской губернии. — ЖСт год 8, вып. II, 1898, 229.
- 6 Завойко Г. К. Указ. соч.
- 7 Чубинский П. П. Указ. соч.
- 8 Архив Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), фонд 7 (рукописные материалы Этнографического бюро кв. В. Н. Тенишева), оп. 1, ед. хр. 1836, л. 5.
- 9 Там же, ед. хр. 23.
- 10 Лексема *вод*, отмечаемая в орловских, ярославских говорах (см.: Костоловский И. В. Из народных суеверий, примет и обычаев Еремеевской волости, Рыбинского уезда. — ЭО, 1901, № 3, 136; Архив ГМЭ, фонд 7, оп. 1,

ед. хр. 1092), возможно, указывает на существование еще праслав. *vodъ (< *voditi se, *vediti se), наряду с иными обозначениями аналогичных понятий — *plodъ, *plemę (преимущественно по отношению к скоту), *sporъ, *sporina (преимущественно по отношению к хлебному полю).

- ¹¹ Зеленин Д. К. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — ЖСт год 11, вып. I, 1901, 88.
- ¹² Макаренко А. Материалы по народной медицине. Ужурской волости, Ачинского округа, Енисейской губернии. — ЖСт год 7, вып. I, 1897, 98.
- ¹³ Костоловский И. В. Народное поверье о бесплодии близнецов, — ЖСт год 20, вып. III—IV, 1911, 499.
- ¹⁴ Яворский Ю. Галицко-русские поверья об опырях. — ЖСт год 7, вып. I, 1897, 108.
- ¹⁵ Попов Г. Указ. еоч.
- ¹⁶ См.: Петлева И. П. О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке. — В кн.: Этимология 1970. М., 1972.

В. А. Меркулова

К ПРОБЛЕМЕ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ТЮРКИЗМА

За последние двадцать лет вышло в свет значительное число русских диалектных словарей. Они позволили ввести в научный обиход огромный новый материал, который нуждается в этимологической интерпретации. Основную массу диалектной лексики составляют исконные слова, но имеются и заимствования, которые отражают многообразные отношения с другими народами. Большой интерес представляют заимствования из европейских языков в центрах древней международной торговли, таких, как Новгород, а затем Архангельск. Любопытна история тюркизмов в русских народных говорах. В отличие от балтизмов или финно-угорских заимствований, имеющих определенный ареал распространения, тюркизмы представлены во всех говорах русского языка, но по-разному. Различно их число, источники и хронология. Несмотря на обширную литературу по этому вопросу, отсутствует обобщающая работа, в которой были бы показаны хронологические срезы, источники, пути заимствования, адаптация тюркизмов, их функционирование, пласты лексики, в которых они более всего представлены. Создается впечатление, что были периоды в истории русского языка, когда тюркизмы проникали очень активно, и периоды, когда этот процесс затихал. В настоящее время мы можем говорить о том, что постепенно уходят из языка такие старые тюркизмы, как *башмак* и *кушак*. С другой стороны, в говорах сохраняются в живом употреблении фразеологизм *бóсьм волком 'очень быстро'*, представленный в «Слове о полку Игореве». Это выражение является, по-видимому, полукалькой тюркского наименования серого волка (*boz börü*), тотемного животного, которому приписывались особые качества (Фасмер I, 199).

Заимствования из тюркских языков могут быть разделены на несомненные, такие, как *камыш*, *кушак*, *бунчук*, *баткак* и т. д.,